

А. К. Нефёдкин

Древнеперсидская женщина на войне

A. K. Nefedkin.

The Ancient Persian Woman at War.

During campaigns, the ancient Persian women followed the armies as concubines rather than warriors. Female warriors in the Iranian epics are an exception to the rules. In the Achaemenid period there were women-leaders in Asia Minor where the social status of a woman was high since the Hittite epoch. In general, in the Achaemenid and Arsacid periods, the woman was neither commander nor warrior, she followed her man in the army train, and she was captured by the enemy if the army fell. Groups of women participated in the fighting only in case of emergency, e.g. in the battle of Pasargadae. In the period of Sassanian dynasty, when fights between the Sassanian troops and their enemies were fierce, when there was a need to recruit more men, women would usually replace them in the army train.

A. C. Nefedkin.

Femeia persană antică în război.

Femeile din Iranul antic nu erau ostășițe în campanii militare, însoțind armata în calitate de concubine. Menționarea despre unele femei-ostășițe, ce s-a păstrat în eposul iranian, ne arată nu o regulă, ci o excepție. În timpul domniei Ahemenizilor domnițoarele-femei au existat în Anatolia, unde încă din vremurile heților poziția lor era ridicată. În general, în epocile Ahemenizilor și ulterior a Arșachizilor, femeia nu era militantă, nefiind nici comandant de oști, nici ostaș, ci însoțându-l în convoi pe bărbatul ei în timpul unei campanii, care, în caz de înfrângere, se captura de către inamic. Doar în situații extreme se întâmpla ca și femeile în grup să participe la luptă, așa cum vedem în bătălia de la Pasargadae. În perioada domniei Sasanizilor, în condițiile intensității deosebite a luptei cu dușmani, se întâmplau situații în care era necesar să se recruteze cât mai mulți bărbați, substituind serviciul acestora în convoi cu femei.

A. K. Нефедкин.

Древнеперсидская женщина на войне.

В кампаниях древнеиранские женщины не были воинами, они сопровождали армию в качестве наложниц. Упоминание об отдельных женщинах-воинах, сохранившиеся в иранском эпосе, показывает нам не правило, а исключения. В период правления Ахеменидов женщины-правительницы существовали в Анатолии, где еще с хеттских времен их положение было высоким. В целом в ахеменидскую и последующую аршакидскую эпоху женщина не была воинственной, она не была ни полководцем, ни бойцом, но сопровождала своего мужчину во время похода в обозе, который в случае поражения захватывался неприятелем. Лишь в экстренных ситуациях случалось и групповое участие женщин в бою, как это мы видим на примере битвы при Пасаргадах. В период правления Сасанидов при особой напряженности борьбы с врагами могли складываться ситуации, когда нужно было призывать в армию как можно больше мужчин, заменяя их службу в обозе женщинами.

Keywords: female warriors, Ancient Persia.

Cuvinte cheie: femei-ostășițe, Persia antică.

Ключевые слова: женщины-воины, Древняя Персия.

Гендерные проблемы в последнее время приобрели особую актуальность. Женщины соперничают с мужчинами практически во всех сферах жизнедеятельности общества, но не в действующей армии, где, как и сотни лет назад, господство мужчины абсолютно. Подобное положение было и в древ-

нем Иране — этому мало изученному сюжету и посвящена данная статья.

Древнеиранский мир отчетливо делился на две части, на кочевые и оседлые этносы. У кочевых высокое положение женщины основывалось на той важной роли, которую она занимала в хозяйстве. В древневосточных

деспотиях женщина занимала не столь значимое положение в обществе, рассматриваясь, главным образом в знатных семьях, как приложение к мужчине. Однако даже при таком социальном статусе она могла оказывать огромное влияние на мужчин, будучи любимой женой, матерью или сестрой. Естественно, это не исключало попадания в дисфавор. Женщина могла влиять на ход военных событий, не только нашептывая мужчине советы, но и реальными героическими деяниями, однократными или перманентными, и даже службой в армии. Настоящая статья как раз и посвящена выявлению в источниках немногочисленных случаев участия женщин в военных кампаниях и рассмотрению различных форм этого участия у древних персов.

У ираноязычных кочевников середины I тыс. до н.э. представительницы слабого пола иногда стояли во главе своих народов как в мирное, так и в военное время. Достаточно вспомнить сакскую правительницу Зарину, царицу массагетов Томирис и сарматов — Амагу. У савроматов в военных действиях принимали участие девушки, по-видимому, проходя обряд инициации (Nicol. *Damasc. Paradox. ethn.* 21). Персидские же девушки непосредственного участия в боевых действиях не принимали. Уже в иранском эпосе участие девушек в бою рассматривалось как ненормальное явление (Фирдоуси II: 26, 618—640; IV: 447, 20229—20231). Впрочем, в эпосе девушка, облачаясь в доспехи воина и спрятав косу под шлем, могла вступать в поединок с богатырем, как это сделала Гордаферид, дочь князя Белой Крепости в Иране. Она, вскочив на коня, вступила в копейный поединок с богатырем Сохрабом, сыном Рустама (Фирдоуси II: 23, 543—590). Вероятно, сцены из подобных эпических сказаний изображены и на фресках Пенджикента первой четверти VIII в., где показаны поединки женщины с мужчиной (Беленицкий 1973: 47—48).

Царица во главе восточной деспотии — это скорее исключение, чем правило, относящееся у древних персов к легендарным временам. Воинственные правительницы известны нам по античным источникам: это — легендарные Атосса и Родогуна. О первой рассказывает анонимное сочинение «Находчивые и мужественные в военных делах женщины» (Anon. *De mul. virt.* 7)¹: «Она, воспитанная своим отцом Ариаспом как мужчина, — говорит Гелланик, — наследовала царскую власть.

Скрывая женские мысли, она первой придумала носить тиару, первой же — и штаны, и услуги евнухов, и посредством книг давать ответы. Подчинив же многие народы, она стала во всех делах самой воинственной и мужественной». Как видим, сказание об Атоссе было весьма древним, ведь о нем рассказывал еще логограф Гелланик Митиленский, живший в V в. до н.э. и написавший многочисленные мифологические и этнографические сочинения. Климент Александрийский прямо указывал на Атоссу как на царицу персов (FGrH. Tl. I. № 4. F. 17b: 149). Сопоставить эту правительницу с другими историческими или даже псевдоисторическими персонажами, известными нам, представляет значительные трудности. Так звали покровительницу Зороастра, жену и сестру Виштаспы, отцом которой был Аурватаспа, однако она в иранской традиции не наделена никакими воинственными чертами, хотя при этом является персонажем наиболее близким к античной традиции. Этим же именем звалась дочь Кира II, супруга Дария I и мать Ксеркса, которая обладала большим влиянием при дворе (Hdt. VII.3). Впрочем, иногда древние сопоставляли персидскую Атоссу не с персидской, а с наиболее знаменитой ассирийской царицей, воинственной Семирамидой, как это делал автор рубежа эр Конон (FGrH. Tl. I. № 26. F. 1. IX: 193; Gauer 1896: 2134; Дандамаева 1995: 20—22).

Другой героиней античных легенд была Родогуна, о которой сохранилось большее количество упоминаний в греческих источниках. Тот же аноним (*De mul. virt.* 8) пишет: «Родогина (sic!), царица персов, — как говорит Эсхин-философ, — величайшим сделала царство персов. Ведь она, — говорит, — делалась мужественной и устрашающей в делах настолько, что, когда она ухаживала за волосами, услышав, что восстали некоторые из подчиненных ей народов, бросила полуоконченным заплетение волос и не прежде заплела их, чем заставила подчиниться вышеназванные народы. Поэтому и сопоставлено с ней золотое изображение, имеющее половину волос на голове заплетенными, а половину — распущенными». Данное свидетельство также достаточно древнее, ведь об этом писал уже философ Эсхин (первая половина IV в. до н.э.), ученик Сократа. Вероятно, данное античное предание должно было объяснить изображение на персидской царской печати (Polyaen. VIII.27). Именно этот легендарный персонаж с персидским именем в греческом искусстве обычно и изображали с наполовину причесанной головой. Так, Филострат (*Imag.* II.5) описывает картину, где представ-

¹ Подробнее об этом малоизученном сочинении см.: Нефёдкин 2002: 569—572.

№3. 2010

лена Родогуна, царица персов, рядом со своей вороной нисейской лошастью после победы над восставшими армянами. Родогуну также сложно сопоставить с другими известными нам историческими персонажами с этим именем. Можно, в частности, вспомнить, что мать Дария I носила это имя (Suid., *Ἡρώστρ. s. v. Ῥοδογούβη*; Plaumann 1914: 956—957).

Кроме легендарных персонажей, имеется целый блок сведений об исторических правительницах в Ахеменидской империи, где, впрочем, были лишь неперсидские женщины-правительницы в Малой Азии, в которой существовала традиция сильной женской власти. Женщины, находясь у руля управления, должны были исполнять все функции монарха, составной частью которых были военные обязанности, в частности, предводительство войсками. Артемисия, дочь и наследница тирана Галикарнасса Лигдамида, привела в армию Ксеркса пять кораблей из своего города (Hdt. VII.99; VIII.88). Кроме того, она командовала кораблями с подвластных ей соседних островов Коса, Нисироса и Калидны. По более древней традиции, передаваемой Геродотом, Артемисия проявила доблесть в Саламинском сражении (Hdt. VII.99; Plut. *Them.* 14.4; Paus. III.11.3; Tzetz. *Chiliad.* XII.955—964). Согласно Геродоту (VIII.88), Ксеркс, увидев с возвышения, как сражается Артемисия, воскликнул: «Мужчины стали у меня женщинами, а женщины — мужчинами» (ср.: Polyae. VIII.53.5). Греки даже назначили за ее поимку награду (Hdt. VIII.93; Polyae. VIII.53.2). Сама Артемисия вела двойную игру, стараясь соблюсти свои интересы и в случае победы персов, и при выигрыше греков. Поэтому, по более поздней традиции, Артемисия уже сражалась при Саламине то за греков, то за персов, меняя при этом значки на корабле (Polyae. VIII.53.1,

3; ср.: Anon. *De mul. virt.* 13; Stengel 1896: 1441; Gera 1997: 205—218). Следовательно, тут перед нами в традиции появляется женщина-флотоводец — уникальный случай в древнеиранской военной истории. Впрочем, такое восприятие Артемисии возникает лишь из-за акцента источников на данном событии из жизни царицы.

Другой Артемисии, вдове правителя Карики Мавсола, взявшей власть после смерти мужа в середине IV в. до н.э., также приходилось руководить боевыми действиями. Так, она хитростью с помощью засады захватила Латм, город недалеко от Милета (Polyae. VIII.53.4; ср.: VII.23.2).

В конце V в. до н.э. в Троаде, входящей в сатрапию Геллеспонтская Фригия, также власть взяла женщина. Вот что пишет Полиэн (VIII.54): «Мания, жена Зенида, правителя городов около Дардана, когда ее муж скончался от болезни, сама держала власть, пользуясь союзом с Фарнабазом. Она и в битвы на крытой повозке ездил, и приказы отдавала сражающимся, и строила отряды, и награды за победу по заслугам раздавала воинам. Ни один враг не победил ее...». Таким образом, Мания выступает здесь наследницей своего мужа и правит городами Троады с согласия и под протекторатом персидского сатрапа Фарнабаза. Во главе греческих наемников она захватила окрестные греческие города, пользуясь ослаблением здесь афинского влияния после Пелопоннесской войны (Xen. *Hell.* III.1.10—13; Берве 1997: 384). Отметим интересную подробность: Мания по восточному обычаю ездил на битвы в повозке, откуда наблюдала за происходящим и отдавала приказы, а не скакала, например, верхом, как дева-воительница (Xen. *Hell.* III.1.13; ср.: Xen. *Cyr.* IV.2.2, 3,1; VI.3.30—33;

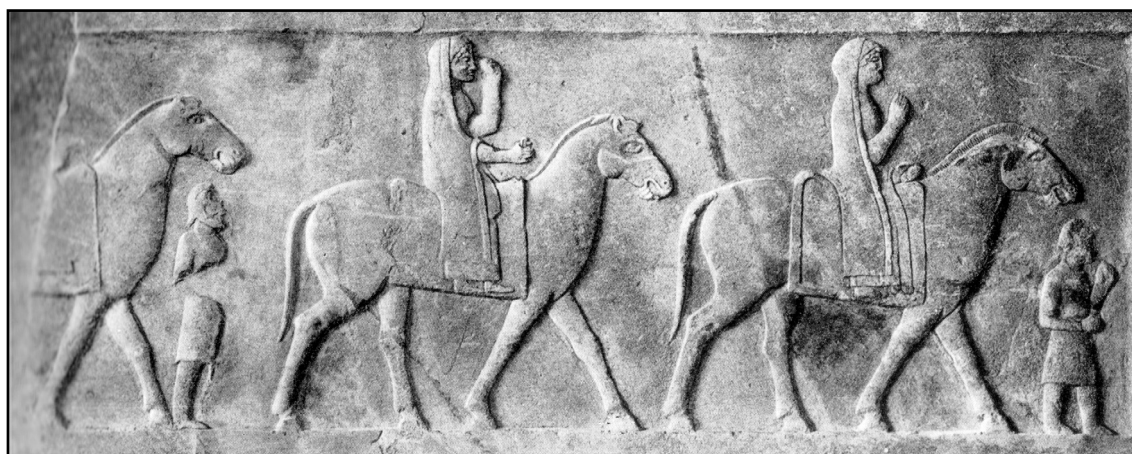

Рис. 1. Ахеменидский рельеф из Даскилея в Геллеспонтской Фригии с изображением женщин, едущих на мулах (рубеж V—IV вв. до н.э.). Воспроизведено по: Osten 1956: 278. Taf. 63.

Curt. III.3.23; Plut. Artax. 27.2). Зная об этих женщинах-правительницах, персы еще в конце ахеменидской эпохи считали, что когда-то Азией управляли представительницы слабого пола, начиная с Семирамиды, расценивая это, впрочем, как ненормальную ситуацию (Curt. X.1.37; Arr. Anab. I.23.7).

Возможно, в ахеменидскую эпоху знатные персидские девушки получали воспитание, включающее в себя не только женские навыки. У сатрапа Теритухма, зятя Артаксеркса II (404—359 г. до н.э.), «была сестра от одного отца, Роксана, красивая внешностью и очень опытная в стрельбе из лука и метании дротиков» (Ctes. fig. 15.55 (FGrH) = Phot. Bibl. 72.43a). Согласно предположению П. Бриана, такие юные аристократки были подготовлены не только к жизни в гареме, но и обучались боевым искусствам (Briant 1996: 297)². Действительно, знатные персиянки путешествовали не только в повозках — они ездили и верхом (Curt. III.3.22). Вспомним: наложницы царя сопровождали его на охоте (Athen. XII.514c), что напоминает нам обязанности гвардии индийских амазонок эпохи Чандрагупты (Strab. XV.1.55). Женщины в своем длинном одеянии ездили верхом, сидя «амазонкой», свесив ноги на одну сторону (Никулина 1994: рис. 223). Конечно, наложницы могли и не принимать непосредственного участия в травле, находясь в охотничьем лагере и служа тут утехам царя. Возможно, что некие пережитки опасной кочевой жизни сохранялись у персов в виде существования некоторых элементов военной подготовки у знатных девушек³.

Встречу Александра Македонского с царницей амазонок уже в древности признавали легендой (Arr. Anab. VII.13.3)⁴. Однако один эпизод Восточного похода царя, видимо, может быть признан историчным. Он, по крайней мере, указывает на военные навыки иранских женщин. Арриан рассказывает (Anab. VII.13.2), как в 324 г. до н.э. Александр прибыл в Мидию и проезжал Нисейскую равнину. «Рассказывают, что там сатрап Мидии

² В своей монографии об ахеменидских женщинах М. Бросиус военный аспект не рассматривает вообще (Brosius 1991).

³ Для сравнения отметим, что в правобережном Хорезме еще в середине XIX в. специальная женщина-воспитатель обучала девушек еще и владению оружием, что связывается именно с традициями беспокойного кочевого быта населения, этногенез которого восходит к сако-массагетскому миру (Снесарев 1973: 150).

⁴ Dumas 1992: 347—352 (тема связи амазонок с Александром — это моралистическая легенда); Loman 2004: 37.

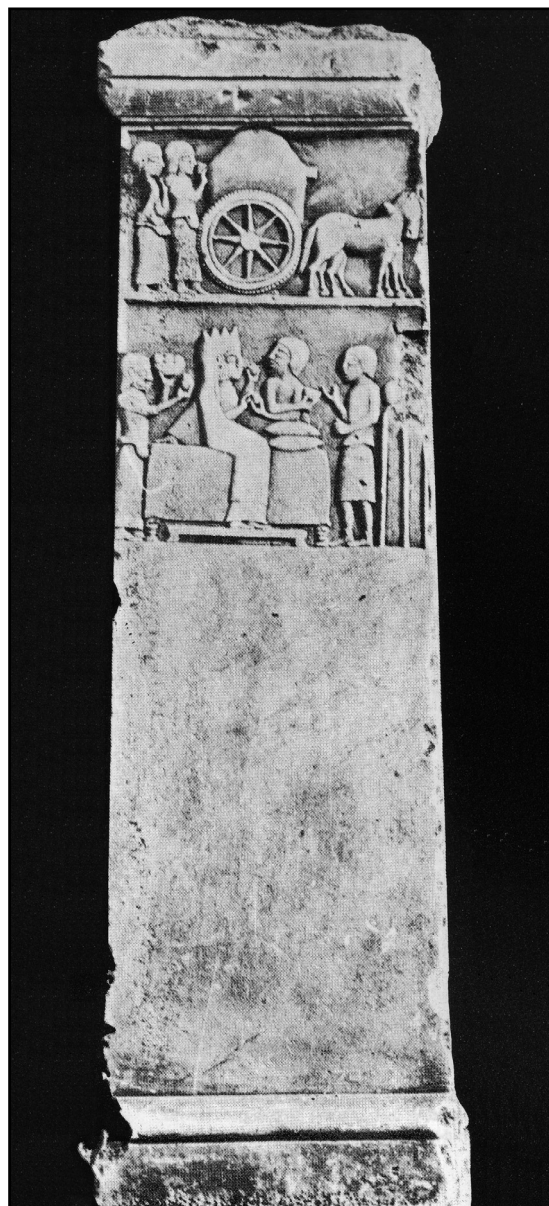

Рис. 2. Погребальная стела из Даскилея (около 400 г. до н.э.). В верхнем регистре представлена повозка знатной дамы в сопровождении слуг, а в нижнем — сцена пиршества. Стамбульский археологический музей. Воспроизведено по: Akurgal 1986: Pl. 20.

Атропат подарил ему сто женщин, говоря, что они — из амазонок. Они носили снаряжение мужчин-всадников, исключая то, что они носили секиры вместо копий, а вместо щитов — пельты. Говорят, что они имели правую грудь меньше, как раз которая и была снаружи в битвах». Поскольку наиболее компетентные историки похода Александра, участники завоеваний царя Птолемей и Аристокл не упоминают данный эпизод, то сам Арриан сомневается в правдивости данных сведений (ср.: Strab. XI.5.1—4; Plut. Alex. 46). Он полагает, что «если Атропат подарил Александру каких-то конных женщин, то думаю, что он

№3. 2010

подарил каких-то других варварских женщин, обученных верховой езде, носивших, как считалось, убор амазонок» (Ат. Анаб. VII.13.6). Таким образом, Арриан, как представляется, дал весьма правдоподобное объяснение появлению этих амазонок: сатрап, знавший легенду о женщинах-воительницах, привел к царю в качестве подарка неких иранских женщин, которых он мог найти в своей сатрапии и которые по древней традиции неплохо ездили верхом и умели владеть оружием⁵.

В греческих источниках — как отметила иранист Х. Санчиси-Веерденбург — нет упоминаний о военной службе женщин в ахеменидскую эпоху (Sancisi-Weerdenburg 1988: 372). Впрочем, голландская исследовательница высказала предположение, что в одной табличке из персепольской сокровищницы упоминается «эскадрон амазонок» (Sancisi-Weerdenburg 1988: 372). Действительно, в табличке времени правления Дария I говорится о том, что 165 карша серебра управляющий выдал «женщинам лошадей женщины Аббакиш» (Cameron 1948: 93, № 6)⁶. Название должности женщин соотносится с похожим обозначением мужчин: «сыновья людей лошади», которое, по-видимому, обозначало всадников⁷. Издатель табличек Дж. Камерон, считая Аббакиш именем некой персоны, отметил, что она же находилась при дворе и получала огромные суммы (в нашем случае — 138,6 кг серебра) для содержания некоего коллектива женщин; она же фигурирует в других документах при приеме родов и в некоторых других функциях (Cameron 1948: 93)⁸. Поскольку проверить значение данного термина по другим документам нельзя, то он остается для нас неясным, хотя на военные обязанности тут нет и намека.

Интересный пассаж о связи женщин с военным делом мы неожиданно находим у Геродота в рассказе, какие дары обе-

щал подарить царь Ксеркс своей любовнице (Hdt. IX.109): «и города стал он предлагать подарить, и много золота, и войско, которым никто, кроме нее, не будет руководить (войско же — прекрасный персидский дар)». Обычно считается, что речь идет о гвардии фаворитки (Meyer 1901: 36—37; How 1928: 334, ad Hdt. IX.109), но предлагается и другое, на мой взгляд, разумное объяснение: обещание подарить земельный надел с сидящими на нем военными поселенцами — обычный вид земельного пожалования в Персидской империи (Sancisi-Weerdenburg 1988: 372—374). Действительно, в ахеменидскую эпоху женщины могли владеть «наделами лука», с которых первоначально выставлялся лучник, а затем просто уплачивался налог серебром вместо поставки воина. Так, нам известно, что в поместье, принадлежавшем царице, имелось, по крайней мере, пять «наделов лука» (Stolper 1985: 62).

Лишь в экстремальных ситуациях женщины в ахеменидское время могли принимать непосредственное участие в боевых действиях. В античных источниках сохранилась информация о последней битве персов и мидян при Пасаргадах (550 г. до н.э.). В трехлетней борьбе персы терпели поражение и, укрыв своих женщин и детей на горе Пасаргады, оборонялись против превосходящих сил мидийского царя Астиага и его союзников. Вот что пишет об этих событиях Полиэн (VII.45.2), источником которого считается история Ктесия Книдского: «Персы сражались с мидянами. Персами командовал Кир. Сатрап Кира Ойбар начал бегство, и все персы, которыми он командовал, побежали вместе с сатрапом. Именно тогда персиянки, выходя навстречу бегущим, сказали, задрав короткие хитоны: “Куда бежите? Или вы опять стремитесь погрузиться туда, откуда выскользнули?”. Речь женщин устыдила персов, и они, вернувшись к битве, обратили мидян в бегство» (ср.: Strab. XV.3.8; Nic. Damasc. : 66 (FHG. III: 405—406); Just. I.6.12; Plut. De mul. virt. 5 (Moral. 246a); Polyæn. VII.6.1; Steph. Byz. s. v. Πασαργάδαι). Хотя данное событие и считается навеянным фольклорными мотивами (Хен. Суг. I.2.1; Пьянков 1971: 22), но суть его видна довольно ясно: в экстремальной ситуации женщины, выбежав навстречу бегущим воинам, остановили их, пристыдив (Пьянков 1971: 16—37; 1971a: 83—93; Дандамаев 1985: 16—17). Позднее персидские цари, приезжая в Пасаргады, в память об этом подвиге должны были выдавать каждой женщине по золотой монете (Plut. Alex. 69.1; De mul. virt. 5 (Moral. 246b)).

⁵ Дройзен 1997: 400, прим. 5; Lane Fox 1973: 432; По предположению австралийской исследовательницы Э. Бейнхем, сатрап, уже, вероятно, зная легенду об Александре и царице амазонок, послал царю в дар неких «жриц любви» с тем, чтобы вызвать благоволение монарха к себе (Baynham 2001: 120—121).

⁶ Хочу поблагодарить д.и.н. М. А. Дандамаева за помощь в работе над табличкой.

⁷ Подробнее об этих персонажах и ссылки см.: Нефёдкин 2001: 431.

⁸ Как показал Р. Т. Холлок, Abbakiš в данной табличке не является именем, а наименованием группы, поскольку дважды в табличках это слово употреблено во множественном числе, а один раз с мужским детерминативом (Hallock 1960: 97).

В целом в ахеменидскую эпоху участие женщин в кампании ограничивалось нахождением в обозе, где они были поварами или служили утехам мужчин (Hdt. VII.83, 187; IX.76, 81; Xen. Cyr. IV.2.2; VI.3.30; Diod. XVII.35.3—7; Curt. III.3.22—25, 9.6, 11.21—25; Just. XI.9.12; Plut. Alex. 21.1; Arr. Anab. II.11.9). Ксенофонт (Cyr. IV.3.2), знавший Персию, так сказать, «изнутри», пишет об этой древней традиции азиатов: «Ведь еще и теперь все идущие в поход в Азии, идут походом, имея с собой наиболее ценное, говоря, что лучше сражаются, если очень любимые вещи находятся вблизи, ведь им, — они говорят, — необходимо смело защищать их. Возможно, это так и есть, но возможно, они делают это, угождая своей страсти». Таким образом, по объяснениям самих подданных царя царей, они возили с собой свои семьи с целью вдохнуть в себя мужество в бою. Поскольку воин сражается доблестнее, зная, что за ним находится его семья и в случае поражения она окажется в плену. Действительно, нельзя исключить происхождения данного обычая от типично кочевой практики произведения набега вместе с семьей, однако во время Ксенофонта (рубеж V—IV вв. до н. э.) военная практика, очевидно, далеко отошла от происхождения данной традиции. Сами персы, вероятно, действительно полагали, что нахождение их семей в обозе придает им мужество во время битвы, но, естественно, прав и греческий историк, усматривая причину присутствия женщин

Рис. 3. Серебряное сасанидское блюдо, изображающее шаха Бахрама V Гура (420—438 гг.), охотящегося с однопорогого верблюда. Позади правителя сидит арфистка Азада. Воспроизведено по: Bulliet 1975: 172, fig. 82.

в обозе в стремлении мужчин удовлетворить свою страсть, поскольку сам историк видел, зачем нужны женщины при персидском войске. Естественно, возить с собой семью могла в основном знать (Diod. XVII.35.3—4), а не бедняки, семьи которых занимались в отсутствие кормильца хозяйством.

В парфянскую эпоху женщины не были воинственными и их участие в боевых действиях также ограничивалось нахождением в армейском обозе. Парфянская знать продолжала возить с собой свои гаремы (Plut. Crass. 21.7; Rawlinson 1873: 409). Ситуация изменилась с приходом к власти в Иране персидской династии Сасанидов (227 г.). Историк Геродиан, рассказывая о персидском походе Александра Севера (232—233 гг.), описывает особенности сбора войск Сасанидами, замечая, что «собирается вся масса мужчин, иногда и женщин, когда прикажет царь» (Hdn. VI.5.3). Геродиан считается авторитетным историком, описывающим свою хорошо известную ему эпоху, и подозревать его в некомпетентности не стоит (Соболевский 1960: 201—202). Таким образом, автор информирует нас, что у персов уже в начале сасанидской эпохи существовала всеобщая воинская повинность как мужчин, так и женщин, но для мобилизации последних нужен был какой-то специальный указ царя. Однако ни в каком роде войск служили женщины, ни в каком случае их призывали в армию, историк нам не сообщает.

Ответы на эти вопросы мы можем найти у ритора IV века Либания. Он описывает приготовления Сасанидов для отражения вторжения римской армии Константина I в Персию (337 г.). Персы «набирают поголовно мужчин, постановив ответственность за уклонение даже для совсем юных, собирают женщин быть обозными в войске» (Liban. Orat. LIX.100). Таким образом, еще через сто лет после событий, описываемых Геродианом, женщины еще набирались в армию. Это происходило в случае крайней необходимости, когда максимальное количество мужчин нужно было высвободить для службы в действующей армии. Представительницы женского пола подменяли мужчин, служа в обозе, поскольку простые крестьянки, — а о них, очевидно, идет речь — имели навык обращения с домашними животными, с которыми они общались ежедневно, сами же мужчины-обозные, очевидно, шли в армию. Естественно, если враги врываются в лагерь, то женщины-обозные могли противостоять им (Liban. Orat. LIX.114). Женщинам было предписано пользоваться определенным оружием, поскольку в сасанидской традиции существовал запрет на оружие,

№3. 2010

которым не должны пользоваться женщины и дети (Денкарт. VIII, Двасруд-наск, 2).

Царь мог приказать набрать женщин в войско только в случае крайней необходимости. Такая ситуация была в Иране в конце 627 — начале 628 г., когда византийская армия императора Ираклия вторглась в Месопотамию, а в среде сасанидской знати разразилась смута. В таких обстоятельствах шахиншах Хосров II призвал в армию и вооружил «всех людей его начальников, всю свою прислугу и своих жен» (Theophan. Chron., а. 6118 (de Boor, р. 324, ll. 22—24)). По существу, речь шла о последних резервах царя, какие только были у него под рукой (ср.: Дмитриев 2008: 20, 48).

В случае необходимости в эпоху правления потомком Ардашира знатные женщины могли участвовать в бою, но это было, естественно, исключение из правил. Так, Гордие, жена и сестра полководца и на короткое время шаха Ирана Бахрама Чубина (590—591 гг.), бесстрашно вступает в поединок на копьях с преследовавшим ее предводителем тюрок, а позже демонстрирует шахиншаху свои военные навыки (Фирдоуси IV: 448, 20270—20278; 455—456, 20609—20642). Речь в данном случае идет о неординарной ситуации бегства, когда Гордие призвала командира тюрок на переговоры, а затем — к поединку. При этом она, надев воинское снаряжение мужчины, скорее всего, нарушила зороастрийские нормы о женском оружии.

Итак, мы видим, что война у древних иранцев — это все же не женское занятие, а участие слабого пола в кампании ограничивалось нахождением в обозе, в основном в качестве спутниц мужчин, а иногда, в сасанидскую

эпоху, и в качестве обозной прислуги. В античных сказаниях на иранские сюжеты женщина выступала как руководитель государства, одной из функций которой было предводительство войсками. Такое положение можно объяснить в целом более почетным положением женщин у кочевников (каковыми и были древнейшие иранцы), чем у оседлых жителей. Упоминания об отдельных женщинах-воинах, сохранившиеся в иранском эпосе, показывают нам не правило, а исключения, которые, впрочем, были нередки в первобытную эпоху, когда девушки тренировались вместе с парнями и умели сражаться иногда не хуже последних. В период правления Ахеменидов женщины-правительницы существовали в Анатолии, где еще с хеттских времен их положение было высоким. В целом в ахеменидскую и последующую аршакидскую эпоху женщина не была воинственной, она не была ни полководцем, ни бойцом, но сопровождала своего мужчину во время похода в обозе, который в случае поражения захватывался неприятелем. Лишь в экстренных ситуациях случалось и групповое участие женщин в бою, как это мы видим на примере битвы при Пасаргадах. В начальный период правления Сасанидов, при особой напряженности борьбы за Иран с Аршакидами, сложилась ситуация, когда нужно было призывать в армию как можно больше мужчин, заменить их службу женщинами, которые могли оказаться не только в обозе, но и в действующих отрядах. Похожая ситуация с людскими ресурсами сложилась в Иране в 1980-е гг. во время войны с Ираком, когда женщин снова активно привлекали в армию.

Литература

- Беленицкий А. М. 1973. *Монуменальное искусство Пенджикента: живопись, скульптура*. Москва.
- Дандамаев М. А. 1985. *Политическая история Ахеменидской державы*. Москва.
- Дандамаева М. М. 1995. Легенда о трех ассирийских владыках (Ранняя греческая традиция о Нине, Семирамиде и Сарданапале). *ВДИ* 4, 14—34.
- Дмитриев В. А. 2008. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. Санкт-Петербург.
- Дройзен И. Г. 1997. *История эллинизма*. Т. I. Перев. с франц. Санкт-Петербург.
- Нефёдкин А. К. 2001. *Боевые колесницы и колесницы древних греков (XVI—I вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург.
- Нефёдкин А. К. 2002. Анонимное сочинение «Находчивые и мужественные в военных делах женщины». *Полиэн. Стратегемы*. Под общей ред. А. К. Нефёдкина. Санкт-Петербург; 569—572.
- Никулина Н. М. 1994. *Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана*. Москва.
- Пьянков И. В. 1971. Борьба Кира II с Астиагом по данным античных авторов. *ВДИ* 3, 16—37.
- Пьянков И. В. 1971а. Образование державы Ахеменидов по данным античных источников. В: Гафуров Б. Г. (ред.). *История иранского государства и культуры (к 2500-летию Иранского государства)*. Москва, 83—93.
- Снесарев Г. П. 1973. *Под небом Хорезма. (Этнографические очерки)*. Москва.
- Соболевский С. И. 1960. Геродиан. В: Соболевский С. И., Грабарь-Пассек М. Е., Петровский Ф. Ф. (ред.). *История греческой литературы*. Т. III. Москва, 201—202.
- Фирдоуси. 1989. *Шахнаме*. Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. Т. II. Москва.
- Фирдоуси. 1994. *Шахнаме*. Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. Т. IV. Москва.
- Akurgal E. 1986. *Civilisations et sites antiques de Turquie*. İstanbul.
- Baynham E. 2001. Alexander and the Amazons. *Classical Quarterly*. N. S. Vol. 51 (1), 115—126.

- Briant P. 1996. *Histoire de l'empire perse de Cyrus à Alexandre*. Vol. I. Leiden.
- Brosius M. 1991. *Royal and Non royal Women in Achaemenid Persia*. Oxford.
- Bulliet R. W. 1975. *The Camel and the Wheel*. Cambridge (Mass.).
- Cameron G. G. 1948. *Persepolis Treasury Tablets*. Vol. 65. Chicago: Oriental Institute Publications.
- Dumas M. 1992. Alexandre et la reine des Amazones. *Revue des études anciennes* 94: 3—4 (347—352).
- Gauer F. 1896. *Atossa* 4. RE. Bd. II. Hbbd. 4. 1896: sp. 2134.
- Gera D. 1997. *Warrior Women. The Anonymous Tractatus de Mulieribus*. Leiden.
- Hallock R. T. 1960. A New Look at the Persepolis Treasury Tablets. *Journal of Near Eastern Studies* 19 (2), 90—100.
- How W. W., Wells J. A. 1928. *Commentary on Herodotus with an Introduction and Appendixes*. Vol. II. Oxford.
- Lane Fox R. 1973. *Alexander the Great*. London.
- Loman P. 2004. No Woman no War: Women's Participation in Ancient Greek Warfare. *Greece and Rome* 51 (1), 34—54.
- Meyer E. 1901. *Geschichte des Alterthums*. Bd. III. Stuttgart.
- Osten H. H., von der. 1956. *Die Welt der Perser*. Zürich.
- Plaumann G. 1914. Ῥοδογούνη. RE. 2 R. Hbbd. 1. Sp. 956—957.
- Rawlinson G. 1873. *The Sixth Great Oriental Monarchy*. London.
- Sancisi-Weerdenburg 1988. Η ΠΕΡΣΙΚΟΝ ΔΕ ΚΑΡΤΑ Ο ΣΤΡΑΤΟΣ ΔΩΡΟΝ: A Typically Persian Gift (Hdt. IX 109). *Historia* 37 (3), 372—374.
- Stengel. 1896. *Artemisia* 2. RE. Bd. II. Hbbd. 4. 1896. Sp. 1441.
- Stolper M. W. 1985. *Entrepreneurs and Empire: The Murašû Archive, Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.

Статья поступила в номер 30 сентября 2009 г.

Alexander Nefedkin (St.-Petersburg, Russia). Doctor of historical sciences. Journal of War History *Para bellum*.

Alexander Nefedkin (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Revista de istorie militară *Para bellum*.

Нефедкин Александр Константинович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Военно-исторический журнал *Para bellum*.

E-mail: nefiodkin@mail.ru